

Синтетическая концепция истории Л.И. Мечникова

Александров Н.Н.

Лев Ильич Мечников (1838 -1888) – автор, известный сегодня только специалистам. Его представляют в справочниках как швейцарского географа, социолога, революционера-анархиста и публициста русского происхождения. Имя его брата Ильи, нобелевского лауреата, как бы затмило достижения старшего брата. Тем не менее, работа Льва Мечникова «Цивилизации и великие исторические реки» (М.: Просвещение, 1998. – 434 с.) принадлежит к разряду ключевых и даже классических книг философии циклизма, социальной философии и геополитики.

Если суммировать воззрения Л.И. Мечникова, мы получим достаточно непростую по основаниям конструкцию. В ее основании лежит *идеология анархизма*, а ядром является многоуровневый синтез показателей цивилизационного развития, в котором обычно в качестве доминанты его теории рассматривают *географический фактор*. В действительности перед нами целостное и исторически перспективное воззрение, способное при внимательном прочтении дать гораздо больше, чем мы обнаруживаем в самих текстах автора. Как говорят сегодня, теория Мечникова обладает значительным и еще не использованным в науке эвристическим потенциалом.

Начнем с идеологических оснований. Чуть ли не впервые в истории анархическая идеология выступает здесь как методология научного исследования. Если анархизм в целом – достаточно сложная система воззрений, к тому же сильно трансформировавшихся после смерти автора еще в прошлом веке, то весь пафос Мечникова может быть сведен к формуле: история движется от насилия к свободе и потому – от тирании к анархии. Доказательства этого широкого общеисторического обобщения содержатся в статье Мечникова

«Школа борьбы в социологии», и книга Мечникова в конечном итоге работает на доказательства этого же положения.

Исходный тезис его рассуждений следующий: жизнь в обществе управляется либо «общественным договором», либо законом. Запуск машины общества – это одновременно и запуск нравственного регулятора, содержащего идею сотрудничества (кооперации). Нравственность выступает как *продукт инстинкта самосохранения* каждого члена общества, поэтому имеет свойства *внешнего рока*. Сегодня бы мы назвали это ментосферой.

Но весь вопрос в том, как возникнет «сознательное соединение» людей в общество? Достаточно общие стороны кооперации в досоциальном мире: механизм (машина, организация) и организм. В обществе Мечников отмечает наличие движения от подневольного союза – через подчиненность – к будущим свободным союзам (т.е. дает исторический прогноз). Полностью описать это историческое движение, как было задумано, Мечникову не удалось, он рано умер. Но и сделанного им достаточно, чтобы увидеть весь его грандиозный замысел.

Подневольные союзы и великие реки – тема его главной книги. Она отвечает на три принципиальных вопроса:

1. Как появились цивилизации?
2. Каковы пути развития цивилизаций?
3. Какими были цивилизации подневольных союзов?

Для появления цивилизаций необходимо наличие специальных географических условий. Синтез всех условий содержит река, поскольку река учит совместной работе (кооперации), т.е. солидарности. Таким образом, основанием цивилизованности является кооперация, а ее стимулом стала река.

Первоначальное устройство общества – деспотии. С их помощью вырастают подчиненные союзы. Они постепенно осваивают «средиземные моря». Для перехода к освоению океанических морских просторов нужны

были уже добровольные свободные союзы, обладающие иной степенью кооперированности.

Итоговая суть его идеи: если *деспотия* есть один полюс цивилизованности, то *анархия* – второй полюс, т.е. тот идеал, к которому идет движение истории (прогноз). Потому-то свободные союзы он рассматривает как шаг от деспотии к анархии, свободному соединению свободных людей. Отметим, что подобную пару по отношению к сухопутным и морским цивилизациям рассмотрел в 1904 году Макиндер, т.е. значительно позднее. Она есть и у адмирала Мэхена.

Приведем обобщение, содержащее совокупность пар, характеризующих его ключевую идею кооперированности. Эти пары почерпнуты из разных его работ, но методологически едины. Они не субординированы, но скоординированы:

«Социальное» (общественное) – «индивидуальное» (биологическое).

Интегрированное – дифференцированное (именно это содержится в определении *общественного организма* у Спенсера).

Конкуренция – кооперация.

Теория договора – теория организма.

Альтруизм – эгоизм.

Управляемая эволюция – стихийная эволюция.

Разум – инстинкт.

Канализированность эволюции – стихия.

Индукция – дедукция.

* * *

Приведем несколько мыслей из статьи *«Школа борьбы в социологии»*, дополняя их собственными замечаниями, представляющимися нам актуальными. Названия тем мы будем давать в современных и более привычных нам терминах.

Прежде всего следует сказать о его общей методологической установке, которая нам очень импонирует. Это монистическое, или объединительное, мирозерцание (*monistische Weltanschauung, нем.*), которое «рассматривает все явления природы как различные ступени развития одного всеобъемлющего мирового процесса, допускающие неисчислимые градации и степени осложнения, но существенно тождественного на всех своих ступенях». Этот подход получает особую актуальность именно в сегодняшней ситуации, когда философское обоснование плюрализма становится едва ли не основным занятием философов, но на практике вырождается в самую обычную методологическую эклектику. Л.И. Мечников демонстрирует пример обратного порядка: он изыскан и разнообразен в прикладных аспектах, но предельно последователен в избранном направлении исследования. Наличие несомненного литературного таланта делает его тексты захватывающими.

Эволюция и ступени развития материи. Существуют четыре царства, о которых говорил Аристотель: минеральное, растительное, животное, социальное. Их можно трактовать и неразвернуто, как три ступени (три мира): абиотическая, биотическая, социальная (формы движения материи).

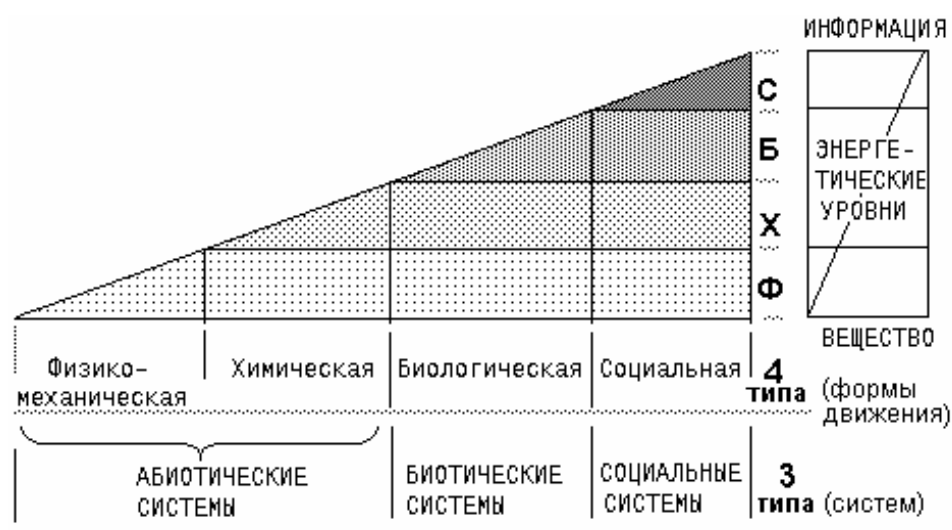

Рис. 1.

То, что перед нами – качественно отличающиеся друг от друга ступени, связанные закономерностью усложнения, в особых доказательствах не нуждается. Такое положение можно выразить рисунком:

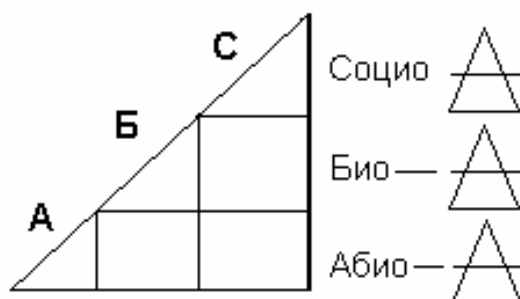

Рис. 2.

Во времена Мечникова данный вопрос был все еще актуальным и потому значительную часть статьи он посвящает доказательству этого тезиса, например, убеждая, что органический мир сложнее неорганического. Отличие социума от живого он видит в наличии психической деятельности людей.

В результате он приходит к выводу, что в неорганическом мире основным является закон тяготения Ньютона, в живом – закон борьбы (эволюция как борьба за существование) Дарвина, а в социуме – закон кооперации.

«Блаженной памяти классицизм в естествознании приучил нас делить всю познаваемую природу на три царства: минералогическое, растительное и животное. Ближайшим результатом переворота, связанного в науке с именем Дарвина, является убеждение в единстве и тождестве мирового процесса на всех его ступенях».

Нас особо интересует «3-я область – социологическая – мир коллективностей, мир интересов, выходящих за пределы единичного биологического существования; мир кооперации, т.е. сочетание не противодействующих, а содействующих достижению одной общей цели сил, представляемых отдельными биологическими особями, способными под влиянием желудочных и половых интересов вступить между собою в состязание или открытую биологическую борьбу».

Законы эволюции. Дарвинизм актуализировал вопрос об эволюции. Эволюция есть преемственность развития. Но, что интересно, сам принцип преемственности позаимствован естествознанием у истории. «Представление о преемственности развития (т.е. об эволюции) на историческом поприще носилось довольно определенно и довольно живо в умах многих французских гуманистов XVIII столетия (например, у Дидро)».

После работ Ч. Дарвина эволюция в живом мире стала очевидной и возник вопрос: есть ли эволюция в неорганическом мире? На него по-разному отвечали Кант, Лаплас и Спенсер. Существовали и поныне существуют также попытки «перевода проблемы в обратную сторону» – неживое считать живым; например, в панпсихизме это – живая Земля или живое Солнце.

Мечников сводит особенность регуляции неживого мира к закону всемирного тяготения. Что касается живого, то дух дарвинизма, с его точки зрения, не исчерпывается законом борьбы (не только желудочное и половое руководит развитием жизни). А уж социум – такая группировка особей, которые являются решительно необъяснимыми, с точки зрения желудочной или половой борьбы. **Всеобщий закон разумной природы – закон кооперации.** Он вводит замечательное уточнение: «кооперация, взаимопомощное товарищество». Чтобы обосновать введение этого закона, Мечников развернуто анализирует теоретические воззрения Прудона, Смита, Мальтуса и Спенсера.

У Прудона он выделяет «теорию договора». «Гениальный самоучка Прудон... строит «систему экономических противоречий» на эволюционном начале... проводя с большою последовательностью и обычною у него яркостью и силою диалектики бесспорно верную идею возникновения краеугольного социологического факта – договора, права – из первобытного биологического хаоса, руководимого только силою, т.е. борьбою». Для Мечникова характерна следующая аналогия: договор = кооперация (и закрепляющее их право).

Из работ А. Смита он анализирует трактат «О богатстве народов» и приходит к выводу, что здесь раскрыт важный эволюционный механизм развития общества: это – «чудовищной сложности механизм (или, если хотите, организм), тщательно отделанный и гениально скомбинированный в самостоятельнейших своих частях, механизм, спокон века перемалывающий самые насущнейшие их житейские интересы, истиравший в порошок в значительном количестве даже их самих, но о существовании только очень немногие из заинтересованных имели хотя бы самые представления, благодаря предварительным трудам французских экономистов и физиократов. Кто же создал этот гигантский механизм, носивший во всех своих подробностях столь очевидные, казалось, следы глубокой целесообразности и придуманности? Никто, как корысть, имеющая исходною точкою чисто животную необходимость приспособления к среде под страхом смерти и голода».

Мечникова явно не устраивает голый эмпиризм А. Смита, хотя в тот момент истории политэкономия затмила все прочие учения об обществе. Творец политической экономии сводит приспособление и коллективную жизнь к законам экономики, а жизнь отнюдь не ограничена экономической стороной. Существенно важная сторона трактата «О богатстве народов» – представление общества как самоорганизующегося организма. Представленная Смитом экономическая эволюция (борьба, рост богатства и т.д.) чревата внутренним разладом: гонка за лидерами бесконечна, и в ней вымываются очень важные человеческие качества. Речь идет о проблеме морали.

«Но так как общество решительно не может обходиться продолжительное время без каких бы то ни было нравственных начал, то вскоре, несмотря на броню неподражаемого и неподдельного самодовольства, одевавшую умы и сердца пророков политико-экономического учения... внутренний разлад, беспредельное недовольство людьми и миром стали все нестерпимее томить...».

Нравственность ко временам Смита явно обветшала. И тут появился Мальтус. Мечников отчетливо понимает, что в области морали «Мальтус только подводил итоги тому, что достаточно обнаружил уже А. Смит». Поэтому он нападает на квазинравственность Мальтуса, с его лозунгом «борьба всех против всех»: «пожирая ближнего в необузданном экономическом состязании великий провиденциальный закон, закон благодетельный по преимуществу, так как им обеспечивается прогресс цивилизации и совершенствование человеческого рода». Мальтузианство вводит «обязанность эгоизма», исключаящего «оказание помощи слабым и беспомощным, затертым беспощадною конкуренциею», ибо извращается «благой закон борьбы», обеспечивающий прогресс цивилизации. Напротив, безнравственно сдерживать свое корыстолюбие, обуздывать эгоизм. Это напоминает логику Спарты, но с лозунгами Нового времени: человеколюбие мешает прогрессу, чистоте естественного отбора в обществе. Отсюда – призыв к воздержанию от филантропии (филантропия – вот язва цивилизации): не поддерживай слабого и беспомощного, ибо этим извращаешь благой закон борьбы. В противном случае миру грозит перенаселенность. Отсюда и рекомендация Мальтуса: воздержание от деторождения всем, не обеспеченным наследственным имуществом. Так называемый закон двух прогрессий Мальтуса (население растет в геометрической прогрессии, а общественное богатство – в арифметической) никогда не был ни доказан, ни опровергнут. Но влияние, которое он оказал на общество, было, несомненно, очень сильным.

Для Мечникова, видимо, суть проблемы состоит в противопоставлении работы этого *борьбового* механизма и нравственности как проявления закона *кооперации*. Вот почему от Мальтуса он переходит к Спенсеру и Конту: «Обобщая статистические данные, Герберт Спенсер приходит к тому заключению, что с упрочивающимся материальным благосостоянием и прогрессом культуры цифры народонаселения обнаруживают приметную

склонность держаться на одной и той же высоте, причем цифры рождаемости и смертности более и более понижаются, и что эта численная неподвижность населения вовсе не замедляет дальнейшего совершенствования рас и быстрого культурного преуспеяния...». Эта закономерность известна как «старение нации» в слишком уж благополучных странах.

* * *

«Огюст Конт, к которому невольно приходится обращаться в подобных случаях, так как самое слово «социология» ведет от него свой род, учил нас, что область социологии начинается там, где биологический *эгоизм* сменяется *альтруизмом*, стало быть, где отношения борьбы сменяются диаметрально противоположными взаимоотношениями взаимопомощи, дружбы, любви, товарищества». Но, где он «начинается и откуда берется», Конт не пояснил.

Социологическая теория О. Конта и его последователей неоднократно критикуется Мечниковым, и логика этой критики следующая:

А. Эспинас выделил две линии:

– позитивисты от Аристотеля до наших дней, т.е. до Спенсера «видят в обществе живой организм», люди – его органы;

– идеалисты, от софистов до Жан Жака Руссо, «смотрят на общество как на договор, произвольно заключенный между людьми в видах достижения собственных своих выгод»; «люди могут в каждую минуту изменить по своему усмотрению весь этот договор» или его часть.

Мечников говорит, что нерв лежит совсем не там, где ищет его Эспинас.

Конт искусственно создал пропасть между биологией и социологией. «В его классификации социология венчает научное здание, но венец этот, висящий на воздухе, представляется как бы сделанным из совершенно иного, крайне субтильного вещества, к которому О. Конт не позволяет подходить с обычными приемами научных исследований. Анализ безжалостно изгнан из социологической области навсегда, социологический метод, по его

предписаниям, должен быть исключительно синтетическим, до шаманизма». «По мнению французских позитивистов, ведение общественных дел должно быть поручено синоду специалистов, изучающих научным путем многосложные условия общественного развития и образующих из себя нечто подобное китайскому трибуналу церемоний». «Состояние современной социологии таково, что от нее еще долго нельзя ждать непогрешимых рецептов для исцелений, в частности того или другого из разъедающих нас общественных зол». Но видит он и положительную роль позитивизма: «контизм был противодействием экономической теории борьбы и необузданности личных корыстных стремлений».

Гораздо больше симпатий вызывает у него Г. Спенсер. «Значительно высшую ступень научного развития выражает собою английский эволюционный позитивизм, до сих пор сосредотачивающийся почти исключительно в высокодаровитой, блестящей личности Герберта Спенсера». Он отмечает у Г. Спенсера способность к предельно широкому охвату эволюционирующего мира, в котором все же выделяются этапы усложнения мирового движения. Спенсер «охватывает всю бесконечную цепь космических явлений и улавливает то их органическое единство, которое О. Конт видел как бы сквозь сон. Для Спенсера не существует различных категорий существ, и все природные явления представляются ему только различными степенями усложнения одного мирового движения». Спенсер не акцентирует качественных переходов, зато подчеркивает непрерывность развития при наличии ступеней (и в этом смысле он «волновик», а не «квантовик»). Но в данном делении на статическое и динамическое невозможно быть абсолютным, поскольку эти начала всегда взаимосвязаны. Речь идет только о доминировании. У Спенсера акцентируется непрерывность.

Социологию как науку Спенсер выводит на основании большей степени усложнения ее объекта. «Социологические явления представляют в среднем

термине значительно большую степень усложнения, чем смежные с ними явления биологические». Переход от социологии к биологии составляет, по мнению Спенсера, психология, которую О. Конт не считал за особую научную ветвь», хотя именно «О. Конт тоже давал социологическим явлениям психологическую основу – альтруизм». Предложение Спенсера верно по отношению к наукам о человеке, если соотнести социальность человека с социологией, его биологическую основу с биологией, а его психический мир – с психологией:

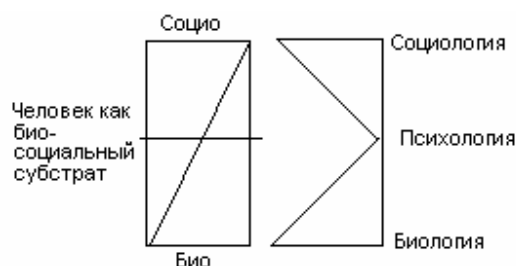

Рис. 4.

Далее Мечников доказывает, что как таковой индивидуальности, «при которой один только обладает способностью проходить земное поприще от начала до конца, не прибегая к началам группировки или ассоциации», не существует. Когда он анализирует иерархию, то различает в пределах особь и общество. В биологии есть понятие индивидуальности (неделимого). При движении к социологии следует признать наличие различных «степеней индивидуальности» – на самом деле это – *иерархические общности* (ассоциированности), рассматриваемые каждая – на своем уровне именно как индивидуальность.

Типы ассоциированности Мечников берет из классификации Каттанео. «Как и некоторые из его предшественников, Каттанео считает возможным обойтись в зоологии только с четырьмя видами индивидуальности: 1) *пластиды*, т.е. абсолютные индивиды, или простейшие органические существа; 2) *мориды*, т.е. колонии, или... пластид; 3) *зоиды*, соответствующие *кормусам*

(*corpus*) ботанической классификации, т.е. представляющие собой общество морид, и, наконец, 4) *дэмы*, или общество зоидов, отвечающие более или менее представлению «общества» в самом обычном смысле этого слова». Эта классификация, по сути, иерархическая, и ее нетрудно связать с гегелевской:

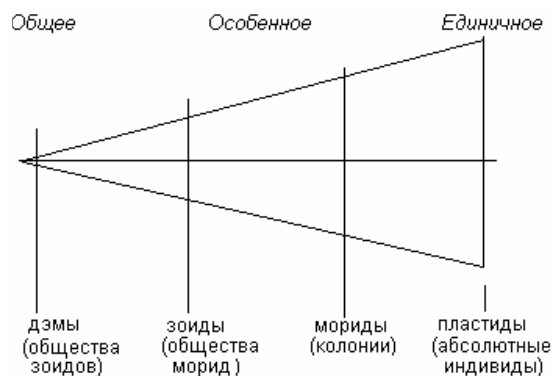

Рис. 5.

Социология исследует взаимоотношения особи и общества (подобных себе). Говоря современным языком, речь идет о социологических группах разной степени общности:

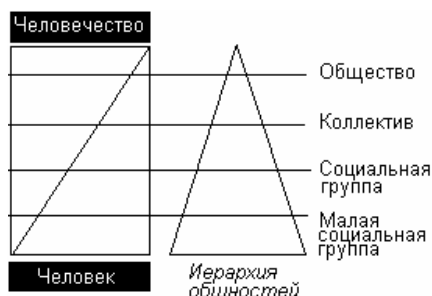

Рис. 6.

О. Конт эти общности не дифференцировал. У Конта идея *перехода от конкуренции к альтруизму* выступает общим признаком общества. Первый шаг к ассоциированности – возникновение семьи. Но это не животный уровень (зоиды, питание), а еще и *дэмы*.

Таким образом, жизнь в обществе управляется либо незримым «общественным договором», либо писаной системой законов. Оба этих положения основаны на разуме.

Конкуренция и кооперация – законы эволюционные. И в истории они сменяют друг друга. Этот вывод, принадлежащий Мечникову, получил в наше время предельно широкое системогенетическое обобщение, статус закона.